

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Герман Шендеров

ИЗ БЕЗДНЫ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш47

Серийное оформление: *Юлия Межова*

Иллюстрация на обложке: *Тимофей Заяц*

Шендеров, Герман Михайлович.

Ш47 Из бездны: [авторский сборник] / Герман Шендеров.— Москва: Издательство АСТ, 2024.— 512 с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-162700-3

Вы знаете, что бывает, если долго вглядываться в Бездну.

От обитающих здесь кошмаров не спрятаться под одеялом, эти ужасы не завесить картиной на стене, не поможет выдернутый из розетки шнур, от этих мыслей не спасут психиатр или доза галоперидола. Они ждут, они подбираются к вам — с экрана старого кинотеатра, с изуродованной граффити стены гаража, из текста забытой сказки, из-под слоя штукатурки и обоев, из бесчисленных отверстий, соединяющих мир объяснимого с пучиной непознанного. Всякая возможная и невозможная форма *той* стороны бытия беснуется, клокочет, пузырится в жажде обрести плоть. Вашу плоть. Слышите, как щелкают челюсти? Видите, тень ползет по стене соседней девятиэтажки? Чувствуете, как встают дыбом волоски на шее? Это мириады очей, что уже смотрят на вас. Смотрят ИЗ БЕЗДНЫ.

ISBN 978-5-17-162700-3

© Герман Шендеров, текст, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Об авторе

Герман Шендеров – возможно, самый популярный автор русского хоррора в социальных сетях прямо сейчас. Изначально он сделал себе имя в крипи-сообществах и пабликах, озвучки его историй на YouTube прослушал не один миллион человек, а тысячи преданных фанатов ждут новинок «ВКонтакте» и Telegram. Хулиган, маргинал, любитель эпатажа. И одновременно – человек, которому литературное творчество помогло одолеть депрессию и справиться с собственными фобиями. Изливая их в Интернете и на бумаге. На вас.

Конец «Юности»

Когда мне исполнилось пять лет, родители разменяли с доплатой однушку на двухкомнатную квартиру в девятиэтажке. Перловка как район, прямо скажем, была так себе — к нашему балкону жались двухэтажные бараки, у подъездов которых собиралась местная пьянь. Под окнами располагалась котельная, из нее по ночам раздавались пьяные крики, хохот и стоны. На веранде во дворе нередко находили измазанные клеем пакеты, а в ржавой «ракетe» всегда было насрано.

Сразу за бараками — большой рынок, куда мама ходила за продуктами и где рыскали стаи тощих дворняг. Родители предостерегали, мол, они переносят бешенство. К рынку примыкала железная дорога, а вдоль шла грязная аллея, где меж деревьев возникали стихийные свалки. По ту сторону железки стояло несколько цыганских домов, и нам строго запрещалось гулять там: говорили, что цыгане воруют детей, отрезают им руки-ноги, ослепляют и заставляют побираться. Рассказывали, что цыгане гипнотизируют детей, чтобы те выносили из дома всякие ценности или вовсе отдавали ключи; рассказывали, что полноватые матроны в юбках могут угостить конфетой «Коровка» со спрятым внутри лезвием или осколком стекла. И, конечно же, любимой легендой о цыганах была

та, про «первую дозу», которую предлагают всем желающим бесплатно, чтобы потом подсадить на героин.

Детей-побирушек я на районе ни разу не видел, а вот стариков, наркоманов и бомжей хватало. Помню, меня сильно впечатлила нищенка, ковырявшая язву на ноге. Мама быстро утатила меня за руку прочь и прикрыла мне глаза ладонью, но я успел увидеть — или, скорее, нафантазировать, — как старуха собирает опарышей из язвы и поедает горстями, будто плов.

С первого дня в детском саду я подружился с двумя братьями — Серегой и Женькой Бажановыми. Женька — мелкий и борзый как хорек, Серега — на год старше, высокий и рыжий, но оба одинаково вороватые и себе на уме. Я подозревал, что у братьев разные отцы, но мне никогда не хватало духу спросить. Именно Бажановы ввели меня в «мальчишеский» мир девяностых. Научили лазить по помойкам и стройкам в поисках чего-нибудь ценного или интересного: сломанных игрушек, трансформаторных «ешек», резинок для рогаток. Особенно ценной добычей были сотки, на которые потом можно было выиграть еще больше соток себе в коллекцию. Они же научили меня правилам игры, когда нужно было до броска предупредить, что играем «без часточка» (это когда одним ударом переворачиваешь все) или «без подкрутки» (это когда последнюю сотку прижимаешь к поверхности пальцем, и та переворачивается). Сколько своих «кэпсов» с покемонами я проиграл братьям из-за изобретенных на ходу правил — не счесть. Научили разжигать костры, в которые потом было весело бросать шифер и баллоны из-под

аэрозоля. Однажды такой баллон улетел Женьке в голову, и с тех пор он заикался.

Когда нас раскидало по разным школам — Бажановы пошли в пятую общеобразовательную, а я — в гимназию через Язу, — мы все равно сохранили дружбу. По вечерам собирались на нашей веранде — во дворе братьев детской площадки не было, только столбы с бельевыми веревками и стол, за которым собирались алкаши.

Была в Перловке и еще одна школа — так называемая тринашка, окруженная бетонным забором. Ею меня пугали родители, когда я приносил трояки. Мол, переведут сюда, если буду плохо учиться. «Тринашка» была коррекционной, и обучались там воспитанники интернатов для детей с отклонениями. На территории школы росли яблоки, и мы с Бажановыми частенько залезали на забор — нарвать кислой антоновки и попялиться в окна. Иногда удавалось застать инвалидов за занятиями. Честно скажу, в первый раз я ожидал чего-то вроде цирка уродов — безногие, безрукие и слепые дети сидят, пускают слюни и старательно рисуют слонов. Так говорил мой отец про тринадцатую школу: мол, по очереди слона на доске рисуют. Заглянув в окно, я, однако, ни уродов, ни слонов на доске не увидел. За партами сидели не больше десятка самых обычных детей. Ну ладно, не совсем обычных. Стоило присмотреться, как в глаза бросались открытые рты, блуждающие взгляды, дерганые движения. Кто-то ковырялся в носу, кто-то ритмично кивал. Сидящий на задней парте толстый парень в очках обернулся в окно, заметил меня и неуверенно помахал. Из носа у него плотным ручьем шла кровь, но тот ее будто не замечал

и кротко улыбался. Крупный, на вид уже взрослый дядька, из-за густой щетины, жирных прыщей на щеках и маленьких глазенок за толстыми линзами очков он походил на прямоходящего хряка. Из вежливости я помахал в ответ, и хряк расцвел, как розовый бутон.

Нас троих, меня и Бажановых, объединяло одно — истовая любовь ко всему страшному, пугающему и мрачному.

Когда солнце пряталось за крышами панелек и барачков, воздух наполнялся комариным писком, а малышню забирали с площадки, мы усаживались в веранде и принимались травить страшилки. Роли делили поровну: Женька обожал выдумывать разнообразных чудовищ, демонов и призраков, Серега же подгонял под них какое-нибудь реальное место или событие. Позже, когда мы расходились по домам, включался и мой особый талант: все рассказанное я старательно зарисовывал, обогащал деталями, раскрашивал и на следующий день показывал Бажановым. Те в один голос твердили:

— Да, точно так оно и выглядело!

Первым делом Бажановы рассказали мне о храме Донской иконы Божьей Матери и даже сводили на пожарище. Храм возвели в конце девятнадцатого века, а к тридцатому году коммунисты снесли его до основания и построили на том же месте жилой двухэтажный барак. Саму икону, говорят, кто-то припрятал в подполе. Буквально за год до нашего переезда в Перловку барак посреди ночи загорелся. Первым делом осыпались лестницы, люди выпрыгивали из окон, некоторые задохнулись в темных деревянных коридорах, часть оказались погребены под обвалившейся крышей.

Многие из выживших твердили в один голос, что видели раскаленную добела огненную Богородицу, которая водила руками по бревнам, и те вспыхивали, как бумага.

— Это она коммунистам отомстила,— объяснял Женька. Он тогда еще не заикался.— Говорят, если той иконе в глаза посмотреть — тоже сгоришь.

Еще была легенда о том, что в одной из знаменитых перловских дач заживо похоронили колдуна. Мол, чекисты побоялись переступить порог, чтобы поставить к стенке поганую контру, и просто заколотили дом наглухо, запретив местным приближаться.

Бажановы сводили меня и туда — у Перловского пруда действительно стояла изба со старательно забитыми окнами и дверьми. За три четверти века дом подперли гаражи, сверху угрюмо склонились многоэтажки, забор покрыли неряшливые граффити, а сам «дом колдуна» со временем обветшал, но никак не изменился, будто отпугивал одним лишь видом застройщиков и вандалов. Ходили слухи, что душа старика, не найдя выхода, так и осталась там и ночью можно услышать жуткий, полный надрывного страдания вой.

Мы по очереди перебрались через покосившийся забор, спрыгнули в траву, пригнулись. Осторожно подкрались к двери, на которой висел ржавый навесной замок.

— С-слушай,— шепнул Женька.— Только в щель не смотри, а то он тебя з-заметит.

Несколько минут ничего не происходило, и я уже собирался высмеять эту «бабкину сказку», как вдруг на грани слышимости раздался далекий обиженный рев. Бажановы тоже изменились в лице,

и мы наперегонки рванули к забору, опасаясь гнева мертвого колдуна.

Сейчас я понимаю, что это был просто искаженный расстоянием гудок электрички — железная дорога пролегла метрах в двухстах, не больше.

Пруд, кстати, тоже оброс разнообразными слухами. В нем никто не купался — грязь с близлежащей дороги сливалась в воду, так что летом пруд поблескивал маслянистым бензиновым отливом. Бажановы же ходили сюда рыбачить. В основном таскали бычка и пескариков — для забавы и подкормить уличных кошек. В школе на занятиях по краеведению рассказывали, что когда-то граф Перлов, в честь которого Перловка и получила свое название, разводил здесь декоративных карпов. Видимо, какой-то отголосок той эпохи остался в пруду, залег под илом на дне, чтобы пробудиться в самое беспокойное для страны время, когда заголовки вроде «Сом-людоед терроризирует Поволжье» были в порядке вещей.

Эта легенда звучала столь же сомнительно, сколь и абсурдно, но рассказывали ее во всех окрестных дворах. Начиналось обычно так:

«Как-то раз один пацан — знакомый знакомому — сбежал ночью из дома на пруд ловить рыбу. Насадил он червя, забросил крючок и сидит, ждет. Вдруг видит — в камышах что-то шевелится. Глянул проверить, а там — баба голая».

Когда рассказывали эту историю, обязательно в подробностях расписывали грудь, уточняли, выбрит ли лобок, сравнивали с какой-нибудь актрисой. Серега вспоминал Ким Бейсингер из «Девяти с половиной недель», который мы смотрели тайком от родителей, без звука и стояли по очереди

на шухере. Если рассказывали девчонки, то говорили: «Точь-в-точь Наталья Орейро».

«И вот сидит она такая в воде и пацана зовет, манит. „Помоги,— говорит,— выбраться“. Он руку протягивает, в глаза глядит, а глаза — мертвые, без зрачков. Баба хватается и тянет, рот у нее распахивается шире и шире, как рыба пасть. И заглатывает пацану руку!» Или ногу — кто как рассказывает. Серега, старший из нас, обожал скабрзности, поэтому в его версии парню откусывали член.

Словом, героя этой истории едва не проглотили заживо, но фараонку-людоеда спугнула проезжавшая мимо машина. А пацан с тех пор «такой». Говоря «такой», обычно крутят пальцем у виска.

Женька же изобрел еще более изящный финал. На мой восьмой день рождения мама отвезла нас в «Макдоналдс» в центре Мытищ. И на обратном пути, проходя мимо Владимирской церкви, Женька ткнул меня в бок и кивнул в сторону храма:

— В-видишь, там мужик бе-ез руки сидит?

Действительно, на паперти сидел заросший, как медведь, бомж и демонстративно баюкал культу.

— Так в-вот, это т-тот пацан.

Не обошлось в детском фольклоре того времени и без бандитов. Они чудились нам везде — в соседях, в чернявых продавцах на рынке; в угрюмых парнях, что тусовались в подвальных качалках и пили пиво во дворах. Но, в отличие от остальных персонажей, бандиты были вполне реальны.

Например, у Насти Жульченко из моего класса, когда той было три года, перловские убили маму. Настина мама работала в ларьке-бытовке на Шараповке — это был соседний район, за Мыти-

щинским парком. Приехали молодчики на черном джипе, подошли к ларьку, попросили пачку сигарет. Когда мама девочки нагнулась к окошку, выстрелили ей в лицо. Шли бандитские разборки, ларек оказался на «чужой» территории. А Настя осталась дома одна и четыре дня питалась подсолнечным маслом с сухими макаронами, прежде чем хозяин ларька обнаружил тело. На летней жаре в металлической бытовке труп разбух и разложился до состояния полужидкого киселя. Вычистить это оказалось нереально. Так все и оставили, вместе с испорченными продуктами внутри, заперев на замок. Товар потом, само собой, растащили, а ларек остался стоять. Женька клялся, что, если ночью прийти к бытовке и попросить сигарет, призрак из ларька затащит тебя через окошко внутрь и убьет. А вот если принести старую купюру достоинством в сто рублей — получишь целую коробку «Сникерса» или «Марса», потому что призрак не знает об инфляции и торгует по старым ценам. Главное, не глядеть при этом в окошко.

А вот история вполне реальная, и ее рассказывал Бажановым уже я, разумеется, приправив жуткими подробностями. Подобные ей всплывали то в одном, то в другом городе, и родители предостерегали: не разговаривай с незнакомцами, не садись в чужие машины, дверь никому не открывай.

В девяносто седьмом в нашем городе пропали шесть мальчишек моего возраста и один студент Кооперативного. Всех их в последний раз видели у Тайнинской платформы. Там, сразу за железнодорожной станцией, стоят ряды частных домов, огороженных высокими заборами. Через них пролегает кратчайший путь к ДК «Яуза». Почти все

пропавшие возвращались оттуда с занятий или из кружков. Милиция перетрясла педагогов, прошерстила поселок, но не нашла никаких зацепок. Только к весне, когда после сильного ливня река подмыла береговую линию, из-под забора крайнего в линии участка выплыли детские останки. Владелец оказался Семен Николаевич Мазурин пятидесяти четырех лет, слесарь-заводчанин, прозванный прессой Маменькиным Сынком. На допросах Мазурин признался, что встречал мальчишек у калитки и просил помочь усадить больную маму в машину. Едва жертва оказывалась во дворе, Мазурин бил ее по затылку молотком и уносил в подвал. Там делил на две части – верхнюю потрошил, прокручивал через мясорубку и кормил котлетами из человечины страдающую от деменции мать. Говорил, что маме нужно мясо, а зарплату задерживают. А все, что ниже пояса, он упаковывал в целлофан и несколько дней спал с этим, покрывая анус и гениталии поцелуями. Когда Мазурин спросили, почему он не скармливал матери и нижнюю часть, ведь там больше мяса, тот ответил, что это «зашквар».

Моя гимназия была там же, поблизости, и, когда дело Маменькиного Сынка прогремело на всю округу, я стал залиvisto врать, что ходил в школу именно этим маршрутом и постоянно встречал Мазуринина, возящегося во дворе со своим «жигуленком».

— Иду я как-то раз со школы – мама должна была меня забрать к шести, а продленку отменили. Ну не сидеть же мне там, – говорю, – прохожу мимо, вижу его, кричу: «Здрате, дядь Семен!», а он под машиной во дворе лежит и говорит оттуда: зайди, мол, подай молоток.

— А т-т-ты?..— выдохнул Женька.

— А что я? Зашел, подал. Он спасибо сказал. Он же под машиной — быстро не вылезет, убежать успею,— смело брехал я.

— Зачем ему под машиной молоток? — с сомнением спросил Серега.

— А я откуда знаю? Забить что-нибудь...

Были легенды и о приставках. В каждом дворе имелся пацан, владеющий игрой, в которой «можно все — убивать, грабить банки, баб насиловать, на тачках гонять, картинка, как в фильмах, и все оружие в мире». Само собой, этой игры никто никогда, включая владельца, в глаза не видел. Подобное вранье было частью этикета. Как рыбаки хвастаются «во-о-от такой щукой», так и пацанва во дворе придумывала видеоигры одну круче другой.

Однако была и другая легенда — о «красном картридже». История всегда начиналась по-разному: одни говорили, что это — тайный проект СССР, другие, что картридж — часть секретного плана Японии по захвату мира. Серега божился, что на него записали сатанинские заклинания в двоичной кодировке. Добыть картридж можно было ночью на кладбище — прийти одному к детской могиле и предложить ее обитателю поиграть в приставку.

Картридж отличался цветом: все остальные были зеленые в оранжевой пластиковой защите, а этот — голая красная микросхема. Названия записанной на ней игры за годы существования легенды никто так и не придумал. Зато говорили, что идет она на любой приставке — плевать, «Денди» или «Сега». Чтобы сыграть в красный картридж, требовалось закрыть двери, занавесить окна и подключить два джойстика. Один следовало взять

себе, а второй — закинуть под кровать, за спину или, если не хватает провода, накрыть одеялом — лишь бы не видеть. Жанр игры варьировался в зависимости от рассказчика — это был либо платформер типа «Марио», либо файтинг, как «Мортал Комбат». Но в остальном рассказчики хранили единодушие: в игре все было красное, кругом огонь, пещеры и черти. Главный персонаж оказывался твоей пиксельной копией, а «второй игрок» всегда тебе противостоял. Смотреть на него не позволялось, потому что... Обычно добавляли что-нибудь вроде «умрешь от страха» или «сойдешь с ума». С момента запуска красного картриджа не позволялось прерывать игру, ставить на паузу или ходить в туалет, ведь «второй игрок» ждать не будет. Чтобы освободиться от красного картриджа, следовало с первого раза, без проигрышей, пройти игру до конца, и тогда «второй игрок» исполнял любое желание. Если же нет...

— Тогда д-душу п-проигрываешь,— заканчивал Женька.

Техника — и телевизор, в частности,— вообще породила массу легенд. Пока родители вкальвали на работе, мы были предоставлены сами себе, и телевизор с видеоманитофоном становились одним из немногих развлечений, если, допустим, никто не хотел гулять или ты пропускал школу по болезни. Мы смотрели диснеевские мультфильмы в жутком гнусавом переводе, какое-то провалившееся в зарубежном прокате детское кино, да и вообще все подряд, вплоть до «Кошмаров на улице Вязов» и «Молчания ягнят». Весь мой двор Серега научил искать «тайную кассету», которая обязательно была у родителей — высоко на антресолях

либо на дне ящика с бельем. Так, кстати, будучи у кого-то в гостях, Бажановы нередко под предлогом поисков кассеты находили родительские записки и утаскивали купюру-другую. Иногда «тайную кассету» удавалось обнаружить, но содержимое редко соответствовало ожиданиям: обычно вместо запретной «клубнички» на пленке оказывались семейные кинохроники. Бажановы говорили, что находили какие-то совершенно дикие вещи: как на видео мужик целуется с козлом взапрос и чешет ему под пузом. Или как голая девушка сладострастно скачет на лице мертвеца. Тогда я им не поверил, ведь еще не знал о существовании фильма Буттгеррайта «Некромантик». Про найденные у родителей кассеты ходило много слухов, и был даже своеобразный мальчишеский «грааль» — мультфильм «как Сейлор Мун, только все голые и трахаются».

Ходила среди нас и байка-предупреждение о том, что нельзя щелкать по пустым каналам, иначе можно дощелкаться до минус первого, где в облаках белого шума и помех обитают загадочные «они». Про «них» было мало что известно, но говорили, что встречи с ними заканчиваются плачевно. Якобы детей находили скрюченными, с выпученными глазами и открытым ртом напротив телевизора, передающего белый шум. А когда телевизор выключали, шипение статики не пропадало, потому что раздавалось из глоток несчастных.

Часто после подобных историй я не мог уснуть, ворочался в кровати, потом вскакивал и бежал к своему столу. Дело было не в страхе. Все, о чем я мог думать, — что же видели персонажи этих баек прежде, чем встретить свой бесславный конец? В попытках представить эту неопisanную деталь —